

Вопросъ о новомъ гражданскомъ уложеніи могъ получить правильную постановку только послѣ крестьянской реформы. Въ дѣлахъ законодательства мы, конечно, лучше поставлены теперь, чѣмъ современники прежнихъ десяти комиссій, занимавшихся „сочиненіемъ уложенія“; мы не обязаны говорить „тихо“ ни о вольныхъ крестьянахъ, ни о какомъ-либо отдѣлѣ гражданскихъ законовъ. Но и сущность задачи теперь уже совсѣмъ другая, чѣмъ при Сперанскомъ, и коренное различіе въ обстоятельствахъ вызываетъ рѣшительную перемѣну въ направленіи законодательства. На эту сторону вопроса мы желали бы обратить особенное вниманіе читателей, такъ какъ она почти вовсе не была затронута въ статьяхъ С. В. Пахмана и К. Д. Кавелина, о которыхъ упоминалось въ свое время въ „Вѣстникѣ Европы“¹⁾.

Нынѣшняя законодательная комиссія—одиннадцатая или двѣнадцатая по счету—должна неизбежно считаться съ совершившимися перемѣнами въ положеніи народа, съ новыми формами его быта и съ разнообразными потребностями жизни. Задачи законодателя являются теперь несравненно сложнѣе и труднѣе, чѣмъ въ былое время. Прежде, при составленіи новаго гражданского закона нужно было имѣть въ виду только немногочисленные верхніе слои русскаго общества. Большинство населенія заслонялось отъ взоровъ законодателя привилегированнымъ классомъ помѣщиковъ и чиновниковъ. Закону не было надобности регулировать жизнь крестьянства; послѣднее имѣло надъ собою особыхъ господъ, замѣнявшихъ для него и законодательную и правительственную власть. Тогда и законы вырабатывались легко и просто: для полумилліона дворянъ можно было съ одинаковымъ успѣхомъ издавать постановленія, заимствованныя изъ-за границы или придуманныя самостоятельно въ какой-нибудь изъ столичныхъ канцелярій; можно было переводить нѣмецкіе законы на русскій языкъ или примѣнять начала римскаго права,—все это одинаково годилось для господствующаго сословія, обезпеченнаго крѣпостнымъ трудомъ. Интересы этого сословія были близко знакомы законодателю. Государство существовало только для десяти-двѣнадцати милліоновъ гражданъ, а остальное населеніе, съ его вѣковыми понятіями и обычаями, находилось какъ бы внѣ закона. Поэтому у насъ, послѣ полнаго закрѣпощенія массы народа, не могло развиваться гражданское право въ истинномъ смыслѣ этого слова,—въ смыслѣ права, какъ выраженія народныхъ понятій о спра-

¹⁾ См. „Внутреннее обозрѣніе“ въ № 3 за текущій годъ, а также въ № 12 за 1882 годъ.